

Родилась в Горьком (ныне Нижний Новгород), окончила Куйбышевский государственный институт культуры. Автор книги стихов и поэтических переводов с татарского «Сильнее меня» (2017), сборника стихов и прозы «Я, Бог, любовь и око» (2019). Лауреат литературных премий им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (Москва, 2015), им. Салиха Гуртуева (Махачкала, 2019), им. Сажиды Сулеймановой (Альметьевск, 2021).

Галина Булатова – видная переводчица татарской поэтической литературы на русский язык. В её послужном списке переводы произведений Туфана Миннуллина (рубаи), Хасана Туфана, Фатыха Карима, Наби Даули, Эльса Гаделева, Рамазана Байтемерова, Гарая Рахима, Разиля Валеева, Ахмета Рашита, Роберта Миннуллина, Лены Шагирзян, Лябиба Лерона, Рузали Мухаметшина, Ленара Шаеха, Ильсияр Иксановой, Рифата Салаха, а также десятка зарубежных авторов. Она – победитель конкурсов поэтического перевода «Казанского альманаха»

ПОЭЗИЯ

Галина Булатова

Яблоко смысла

Горошина

Обычная горошина,
Племянница кусту,
Я кем-то в землю брошена,
И вот – себе расту.

Но чья душа мне дадена,
Судьба вздыхать о ком,
Цепляясь за оградину
Зелёным стебельком?

Какому дню назначена
Средь заросли густой,
Обожествляя ржавчину
До вяза золотой?

Живу, дай бог, не овощем
На крохотном клочке,
А всё моё сокровище
В зажатом кулачке.

Господь надкусит бережно
Стручковое ребро:
– Ну, здравствуй, королевшна,
Хранящая добро!

Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катятся
Горошины планет.

Пушкин

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

Время синих стрекоз

Там, куда я навскидку,
ерундой забрела,
синий мостик раскинул
два речные крыла.

Речка, речь волопаса,
ты впадаешь куда?
Впасть в наивность и пафос –
небольшая беда.

Это счастье: разиней
на неспешном ходу
оказаться на синем
стрекозином мосту,

где и полдень высокий
к водной глади прирос,
где течёт над осокой
время синих стрекоз.

Аве Марина

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выцвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить – Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, – шумит прибой, –
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, – луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

Март

Где ветка касается робко
Горячей щеки фонаря,
Вела меня быстрая тропка
От прожитого февраля.

И были дома у обочин
В вечернем прищуре слепы,
Но даже в преддверии ночи
Я видела марта следы.

Резные балкончики зданий
И дерево в истинный рост
Взлетали уже над Казанью
Под звоны оттаявших звёзд.

И эти, и те, и другие –
Весь город вставал на крыло, –
В какие края дорогие,
Куда эту стаю несло?

Летели куда переулки
Над городом светлым моим?
Тянулся за ними, как руки,
Котельных серебряный дым.

Мимозное

Мартовский полдень сдвигает застывшие стрелки
На циферблате серебряных божьих часов –
Время сугробам не в прятки играть, а в горелки,
Время раскладывать соло на хор голосов.

Скоро ручьи молодые не сдержат эмоций,
Город заменит прыжками размеренный шаг.
Воздух насыщен мимозой, не дышится – пьётся!
Всюду мимозы, и солнце – мимозовый шар!

Ветер всё дразнит торговков, а им не до жалоб:
Сыплют рубли за бубенчики звонких мимоз...
Чудилось: счастье моё меж рядов пробежало,
Или же мимо меня его кто-то пронёс.

Ломбард

Проходили воду,
огонь и медь –
только вышло ведрами
зря греметь.
Билась чья-то правда
об стенки лбом.
Выкинули барда –
остался лом.

Приняли без пробы вы
серебро –
седина вам в бороду,
бес в ребро!
Вы не разглядели
сейчас и здесь,
что на самом деле
так блещет жесь.

Медный лоб упрятавши
под убор,
вновь и вновь упрямые
тащат вздор.
А другие долго,
до темноты
намывают золото
немоты.

* * *

О, одиночество привата,
Луновеликая жена,
Я чем-то очень виновата
И вряд ли буду прощена.

Солнцеподобные рычали,
Луновеликие несли,
За бесприютными плечами
С щеки взлетали журавли...

Но я была другому рада:
Дрожанью шины под ногой,
Цветным огням Димитровграда,
Строке, гудящей и тугой,

И в раме лужи привокзальной
Автопортрету фонаря,
И сбившемся под Казанью
Сердцебиенью октября.

Дойдя до точки невозврата,
Пространство разрешилось мной,
Той, что прекрасно виновата
Своей немислимой виной.

* * *

Алисе

В чайном доме отведав чая,
Погрузиться в суть пальтеца.
Растревожит Казань ночная
Золотым ободком «Кольца»:
Всё пройдёт. А одно бессрочно.
Прошивают двойною строчкой
Каблуки за верстой версту.
Люди ходят по белу свету,
Ищут памятники с секретом,
Ловят улицы на мосту.
И с частицей себя прощаясь,
Разбивают часы на счастье...

* * *

Был человек – и нет.
Пьяненький мой сосед
Вышел вчера в отставку.
Сплошь синяки, фингал –
Кто-то его послал
К боженьке на поправку.

Скорой такой не гождь,
Сколько их, пьяных рож,
Это не наш, мол, профиль.
Только зачем ты, док,
Выпавший кошелек
Так изучал подробно?

Глупая штука жизнь,
Ну же, сосед, держись –
Сил моих маловато.
В тулове – ломота,
В комнатах – пустота:
Здесь ни жены, ни брата.

«По выходным – сынок...»
Падает, как без ног,
Мечется на подушке.
Тара стоит в углу,
Брошены на полу
Коленькины игрушки.

Был человек – и нет.
Гордый, смешной сосед
Выкинул злую шутку.
Он же чужой, чужой –
Что ж так нехорошо,
Плачу вторые сутки.

Был человек – и нет.
Сел на диван сосед,
Носом в плечо уткнулся,
Крепко закрыл глаза,
Вышел на небеса,
Вышел и не вернулся.

Песни мари́йских озёр

Валере Орлову

1

У мари́йского бога
Рубашка – атлас,
Бирюзовое око –
Морской глаз.

Порассыпал на радость
Песен в траве,
А ещё и осталось
В рукаве.

2

Собирайте по склонам,
В междуречье корней,
В тростниках на Зелёном –
Там верней.

На глубинах ищите,
Где мерещится сом.
День, как будто песчинка,
Невесом.

3

Тянут с облаком невод,
Бьётся солнце поверх.
– Как зовут тебя, небо?
– *Кичиер*.

4

Погружённое в грёзы
Мушаньерское дно.
Из кубышек стрекозы
Пьют вино.

5

От поющего камня
Поверни на восход,
Отворяя стихами
Восемь нот.

6

Выйдешь к старому дубу
И прижмёшься плечом.
Рядом – думает думу
Пугачёв.

Други – ёлки да палки,
А дозор – комарьё.
Лешаки да русалки –
Всё зверьё.

Выгнет спину, как кошка,
Ощетинится лист:
Путник, путник, немножко
Задержись!

Вскрикнет сзади идущий,
Разыграется нерв.
Зыркнет оком из пущи
*Конан-Ер**

Окно

выставляют окно
выставляют на свет
выставляют на вид
выставляют на смех

выставляют часы
выставляют счета
выставляют на торг
выставляют спроста

выставляют в сети
выставляют не тем
выставляют за дверь
выставляют совсем

* Кичиер, Конан-Ер (мар.) – озёра в Марий-Эл.

Байкал

Байкал баюкал и буянил,
бухтел, бурханил, барабанил
многоголосый удэге*.
Спускались горы мыть подошвы,
а чайки хлопали в ладоши,
смеясь на нашем языке.

Небесный омуль плыл высоко,
вращая умным жёлтым оком
у переносицы горы.
И триста рек несли дары –
доволен батюшка оброком:
готов калым для Ангары.

Пока шаманил с бубном кто-то,
открыв Ольхонские ворота,
дожди впечатались в гранит.
И мы карабкались по склону
непостижимого Ольхона
до запредельных пирамид.

Я, месяц мучась со спиною,
ступила в море ледяное,
сомкнув его над головой
три раза, как тому пристало,
и трижды море цвет меняло –
зелёный, серый, голубой.

Не разыгравшиеся нервы –
а разыгравшиеся нерпы
чудно крутились на волне.
И был весь мир потом в нирване:
туман валил, как пар из бани,
и я – забыла о спине.

Забыть ли этих дней течение,
любовь камней и трав, свеченье
прозрачных донельзя глубин?
О месте силы древней веры
друг с другом так и спорят ветры –
сарма, култук и баргузин.

* Удэге – один из коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

* * *

Мой поводырь, мой страж вечерний,
На всё про всё благослови!
Ты подавал мне, виночерпий,
Равно безумства и любви.

Но кто, уступка за уступкой,
Ведёт, беспечен и нелеп,
От опрокинутого кубка
До опрокинутых судеб?

Бегут, смеются, умирают,
Чертимы стрелками, круги.
Кто в круге новом отмеряет
Мои шаги, твои шаги?

Кто наблюдает шаг за шагом
Колёс вращательный рефлекс
И то, как зверь походкой шаткой,
Кровавая след, уходит в лес?

Над Камой белые туманы,
Печаль вмерзает в берега.
И лёгкой поступью меж нами
Идут снега, идут снега...

Юбилей

Уж если за слово и браться,
то чтоб донеслось до Уфы,
чтоб чувствовать сестринство, братство,
взойдя на подмостки строфы.

Осанну воздать чужестранке,
а впрочем, не надо шумих.
Пусть важная грамота – в рамке,
а всё остальное без них.

Стихи и счастливые числа
раздать и идти налегке.
И яблоко свежего смысла
познать
на своём языке.

Волга, Вятка, Ока и Кама

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приговарывая к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёт, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: наши с Вятки-де, вы с Оки.
Вслед за мамою ехал Грека через реку, а в реке рак,
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!» – крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
Многогочия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и щепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

